

«Corriere della Sera», 22 августа 2016 г.

«Общение и освобождение» не нуждается во врагах и не живет ради крошек власти»

Преемник отца Джуссани: исламский вопрос не стоит в Европе на центральном месте

Дарио Ди Вико

Прошло четыре года с момента публикации первой статьи, в которой отец Хулиан Каррон, преемник отца Джуссани, призвал «Общение и освобождение» оставить обременительные устремления к гегемонии и заново открыть истинную ценность свидетельства. Шел 2012 год, Движение переживало весьма сложные времена. Становилось все яснее, что политическая деятельность (и связанные с ней успехи) являются ловушкой; средства массовой информации, говоря об «Общении и освобождении», использовали слова «лобби» и «коррупция». Многим статья Каррона показалась наивной, и мало кто верил, что она к чему-либо приведет.

Могу ли я по прошествии пятидесяти месяцев попросить вас подвести некоторый итог?

Я не руководил кампанией против гегемонии, а лишь вновь предложил во всей его красоте опыт нашего основателя, отца Джуссани, утверждая, что нет нужды использовать для пущей убедительности какую-либо стороннюю власть. Единственный способ войти в отношение с истиной пролегает через свободу, и поэтому стремление к гегемонии противоречит истине.

Однако в результате была остановлена необыкновенная политическая машина, какой являлось «Общение и освобождение» в золотые свои годы.

Наша цель состоит в том, чтобы вносить вклад в общее благо. Я не хочу умалить важность политических устремлений, но, как я напомнил, нами должно двигать нечто более притягательное, нежели участь тех, кто подбирает крошки власти.

Но ведь тем самым вы себя обезоружили?

Да. Мы вновь поставили на первое место веру в ее неотъемлемости от потребностей жизни. Активизму я предпочитаю свидетельство, тем более что Бог постучал в двери наших сердец тихо, не применяя внешнюю силу, а пробуждая любовь.

Вы не боитесь, что «Общение и освобождение» понесет в итоге чистую потерю идентичности?

Отказ от власти не означает утрату идентичности. Сам Бог так поступил, став плотью, и мы могли бы сделать нечто подобное, пусть даже в бесконечно меньшей мере.

Все эти годы история не стояла на месте, и сейчас мы наблюдаем некоторый парадокс. Вы боролись против секуляризации и событий шестидесят восьмого года, а сегодня перед лицом угроз со стороны исламских радикалистов заявляете о вашей безоружности.

Коснусь в первую очередь семидесятых годов. Отец Джуссани постфактум объяснил, что нами двигала и нас воодушевляла «экзистенциальная неуверенность», мы согласились играть

на одном поле вместе с теми, кого критиковали. В конце концов наше присутствие стало основываться на реакции, тогда как нам надлежало быть подлинным присутствием. Чтобы жить, «Общение и освобождение» не нуждается и не нуждается во врагах. Это касается и ислама.

Это разные вещи. Французский писатель Уэльбек говорит о том, что Запад рискует быть завоеванным исламской культурой.

Такой риск существует, поскольку во всем задействована свобода и ничто не является само собой разумеющимся. Гете говорил: «Чтобы обладать наследием, доставшимся тебе от отцов, вновь заслужи его». Проблема мигрантов и даже теракты могут побудить нас к тому, чтобы вновь предложить христианство в его самобытности. Это вызов, брошенный в первую очередь нам, а не кому-то другому. Необходимо спросить себя, что видят мигранты, когда приезжают к нам.

Они видят Запад со всеми его достоинствами и недостатками. Последние, однако, не могут быть оправданием для тех, кто хочет разрушить его и для тех, кто не желает его защищать.

Я хочу защищать возможность жить по-христиански в пространстве всеобщей свободы.

И Запад для этого – лучшая среда. Если же христиане станут использовать ошибки нашей цивилизации, чтобы подорвать к ней доверие и уравнивать «турбокапитализм» и ИГИЛ, то нам конец.

Я не пытаюсь подорвать к ней доверие, не думайте, что я не защищаю ценность свободы, личности, работы и прогресса. Проблема в образе действий. Папа Бенедикт XVI напоминал, что Просвещение стремилось спасти основополагающие западные ценности, выведя их за рамки религии, однако тем самым оно совершило ошибку, и до сих пор непонятно, как ее исправить.

Значит, мы можем сказать, что кризис западного мира есть кризис решений, а не доверия?

Совершенно верно. И мы, христиане, организуя дополнительные занятия в школе или помогая мигрантам, вносим наш вклад в поиск решений. Ценности просветителей потерпели крах почти по инерции. Вот почему крайне важно, выражаясь словами папы Франциска, «смело установить новые, глубоко укорененные основания», чем мы и занимаемся. И поэтому, сталкиваясь с нуждой, мы не ограничиваемся материальной поддержкой, а отвечаем также и на вопрос о смысле. Настоящий враг – ничто, пустота. Так что наша позиция совсем не нейтральна. Мы даем шанс надежде.

Вам не кажется, что сейчас исламский вопрос поставлен в Европе в центр внимания?

Нет. Думаю, проблема, занимающая в Европе центральное место, касается того, как передавать людям понятия и ценности, которые помогут им жить среди замешательства, характерного для нынешнего этапа современности.

После убийства отца Амеля в Руане вновь заговорили о мученичестве. Разве это не подтверждает то, о чем я говорил ранее?

Мученичество – один из рисков, которые влечет за собой христианская вера. Мы гонимы со времен Римской империи, все началось не с ислама.

Даже либералы (я ссылаюсь на издание «The Economist») начали выступать с критикой глобализации и требовать пересмотра ситуации. Что вы думаете по этому поводу?

С реалистической точки зрения мне кажется, что глобализацию нельзя остановить. Она в том числе предоставляет возможность встреч: стены падают, и наступает черед людей доброй воли идти вперед и служить на благо человечества. Если удалось восстановить разрушенное во Второй Мировой войне, почему же то же самое невозможно и сегодня? Почему нельзя повторить то, что сделали тогдашние Де Гаспери, Аденауэры и Тольятти, и вновь учредить структуры?

В завершение спрошу, каким вам представляется будущее «Общениа и освобождения» лет через десять?

Движение и тогда будет инструментом, помогающим достичь общего блага. Его существование – средство, а не цель.